

КИРА БЕЛОРУСЕЦ Н.В.ГОГОЛЬ. МУЗЫКАЛЬНЫЙ МОМЕНТ

№ 33 1998

Гоголя невозможно читать и сразу анализировать: читатель должен быть в полной растерянности и по-детски доверять автору, это - необходимое условие восприятия гоголевских текстов, и Гоголь всегда этого добивается: едва ли найдется прозаик, столь естественно и властно остраняющий изображаемый им мир. Прозаик Гоголь делает это с осознанностью аналитика и неумолимостью поэта. "Нет ничего лучше Невского проспекта" - заявляет он, и тут же уничтожает сказанное: "по крайней мере в Петербурге". Возникшее ощущение зыбкости и двойственности нас уже не покинет.

В "Невском проспекте" читателю предлагается утонуть, чтобы вынырнуть рядом с Пироговым и Пискаревым. Более комфортного пути автор для нас не приготовил. Первый абзац длится почти пять страниц, и все это - непрерывная дерготня между восторженно-поэтическими пассажами - и ироническими замечаниями, набранную высоту сводящими на нет. Гоголь устраивает грандиозную качку, расшатывая спокойные отношения между читателем и книгой. К моменту встречи с Пироговым и Пискаревым - мы, как и они, не знаем уже, где верх, где низ.

Где-то в глубине первого абзаца начинается перечисление, которое продолжается и в последующих двух, уже небольших. Перечисление становится все детальней, постепенно успокаивая темп чтения. Это уже почти похоже на обычное, обстоятельное повествование.

Дальше - еще большее укрупнение плана: подробный диалог. Действие приближается вплотную к нашим глазам.

Смотрим. Нам показывают две истории. Первая - Пискарева и брюнетки, пронизанная стихией наваждения и преувеличенного восторга, но ходульный сюжет приводит к настоящей смерти. Вторая - Пирогова и блондинки, история, не содержащая ничего "надбытового" и не приводящая ни к чему. И вдруг - "Дивно устроен свет наш! - думал я, идя третьего дня по Невскому проспекту... - Как странно, как непостижимо играет нами судьба наша!..." Это - появляется автор "лично", и от первого лица заканчивает повествование, завихрив его таким же фантастическим калейдоскопом, как и первый гигантский абзац. И - все...

При повторном чтении видно: появление автора подготовлено. В повести, написанной от третьего лица - нет-нет, да и пойдет речь от первого.

"Боже, какие есть прекрасные должности и службы! как они возвышают и улаждают душу! но, увы! я не служу"...

Или: "Я до сих пор не могу понять, отчего это бывает. Сначала я думал, что они сапожники, но, однако же, ничуть не бывало"... Автор словно не может утерпеть за кадром - и выбегает на наши глаза. Зачем? Чтобы сакцентировать нелепость происходящего. А когда тотальная нелепость приводит к смерти героя - возникает целое лирическое отступление. Автор не может скрыть уже своей, собственной растерянности: он ведь и сам зависим от судьбы. Между традиционными формулами "Но обратимся к нему..." и "Мы, кажется, оставили поручика Пирогова на том, как"... - вырывается вдруг беспомощно-откровенное: "Я не люблю трупов и покойников, и мне всегда неприятно, когда переходит мою дорогу длинная погребальная процессия"...

Последняя, феерическая часть повести будет такова же по настроению, и так же непосредственна. Гоголь говорит об обреченности творческого человека в реальном быту. Автор - художник, как и его герой, реальность и ему часто является как наваждение, и он боится повторить опыт Пискарева. Финал повести - откровенное предупреждение: "Он лжет во всякое время, этот Невский проспект, но более всего тогда, когда ночь сгущенной массой наляжет на него и отделит белые и палевые стены домов, когда весь город превратится в гром и блеск, мириады карет валяются с

мостов, фореиторы кричат и прыгают на лошадях и когда сам демон зажигает лампы для того только, чтобы показать все не в настоящем виде."

Поэтичность этого предупреждения - следствие не условности, а того, что предостерегает - поэт, то есть существо, которому просто - виднее.

Истории Пирогова и Пискарева в центре повести - разрабатывают двойственность фантастики и иронии, заданную с самого начала. История Пирогова преподносится подчеркнуто холодно и иронично, но время от времени появляются фантастические штришки - показывая, до чего нелепа может быть житейская пошлость: "Но все это как-то странно кончилось: по дороге он зашел в кондитерскую, съел два слоеных пирожка"...

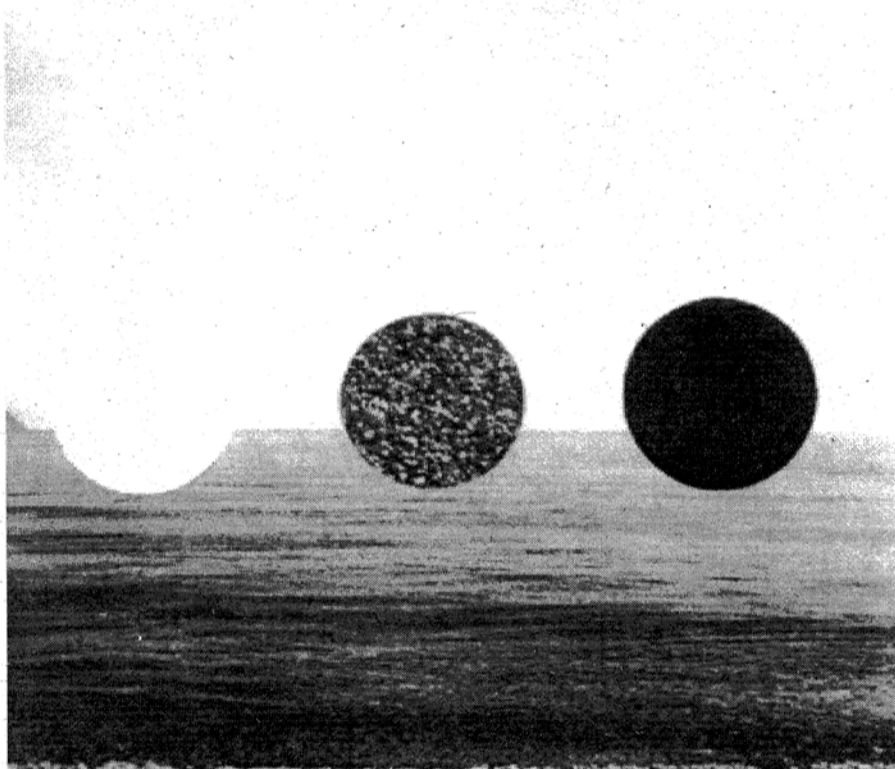
В рассказе о Пискареве - штришки, наоборот, иронические, и указывают они - как может быть нелепа обнаженная душевная жизнь на фоне реального быта: "Но подвиг будет бескорыстен и, может быть, даже великим. Я возвращаю миру прекраснейшее его украшение". "Составивши такой легкомысленный план, он почувствовал краску, вспыхнувшую на его лице..."

Видно, что внешняя нелогичность, кажущаяся клочковатость повествования оказывается на самом деле пронизанной внутренними связями, выверенными с музыкальной точностью. Растерянному читателю повествование кажется хаотичным, но - каким-то образом ему внушено ощущение, нужное автору. А именно: что Невский (а с ним - весь мир) - наваждение, если воспринимать его голыми нервами. А если пытаться рассуждать здраво, с иронией, то обнаружатся такие вопиющие несообразности, какие и вовсе намекают на непознаваемость всего сущего...

Что же это такое, наконец? Где еще бывает идея не втолкована, а внушена "незнакомо как"? И где еще оксюморон строит всю форму, в целом?

(Вот эти, "оксюморонные" связи: на протяжении почти всей повести элементы восторженности и иронии, постоянные "по крайней мере", двойная история любви талантливой и - бездарного адюльтера; обрамляющие части, - где в первой - "Нет ничего лучше Невского проспекта", а в последней - "Он лжет во всякое время, этот Невский проспект...")

Конечно, это - поэзия. Вырисовывается очень простая схема этой фантастической и - как бы бессвязной повести: связанные противоречием крайние части, посвященные проспекту, внутри - две человеческие истории, к проспекту имеющие отношение лишь косвенное - и тоже связанные

Франциско Инфанте. Артефакт из серии "Добавление". 1983. Черно-белое фото. 50x49,8

противоречием. Это - схема четверостишия с опоясывающей рифмовкой, АВВА. Как могло такое случиться? Наверно, так же, как "Мертвые души" случились поэмой, а сам Гоголь - поэтом.

Надо ли говорить, что в музыке такая строфа (зеркально симметричный период) используется так же широко, как и в поэзии!...

Музыкальный анализ может оказаться очень полезным для работы с литературным (а, возможно, и не только литературным) произведением. В случае, когда совершенство произведения очевидно - наличие музыкальной формы (то есть структуры, организующей произведение на невербальном уровне) скорее всего, подтвердится, и определить ее - значит, получить дополнительную информацию как о форме, так и об идее произведения. При этом надо иметь в виду, что форма может оказаться канонической, а может - и оригинальной, но в любом случае она будет подлежать описанию на языке музыкального анализа.

Если же произведение дисгармонично, то поиск заключенных в нем, но по каким-то причинам недоиспользованных музыкальных структур может помочь автору более внятно услышать и полноценнее реализовать собственный замысел...